Свой человек в Лутовинове

Искали подходящего человека на должность заведующего. Никаких особых благ это место не сулило, жить пришлось бы в селе, вдали от районного центра Мценска и еще далее от областного, Орла. Зарплата невысока, забот хватит: от поленицы дров для собственной квартиры до бесконечного ремонта крыши «подведомственного» помещения. Найдется немало и других хлопот. Так что заманчивого в этой должности было мало.

В то же время Мценский горком партии выставил главное требование к кандидату. Он должен быть личностью незаурядной и, безусловно, авторитетной, как, к примеру, хранитель Ясной Поляны, Пушкинских гор, Некрасовской Каравихи, Лермонтовских Тархан. Речь шла об открывшейся после восьмилетней реконструкции усадьбы-заповедника Тургенева Спасское-Лутовиново.

Выбор кандидата осложнялся тем обстоятельством, что усадьба с ее Бежиным лугом и лесным родничком Малиновая вода, со старой Мельничной плотинкой стала лишь филиалом литературного музея писателя в Орле, где он вообще-то бывал редко и романов там не создавал. Филиал подчиняется области, она и подбывает кадры, но горком партии проявил к этому вопросу законный интерес. Такая позиция, как выяснилось, была предусмотрена.

Секретарь Мценского гор-

кома партии Николай Павлович Юдин до сих пор помнит, например, разговор с девушкой, вошедшей в его кабинет в сопровождении товарища из области.

Взглянув, как она боязливо присела на краешек стула, секретарь горкома партии подумал, что решительного руководителя из нее не получится. Познакомились ближе: окончила десятилетку, немного поработала воспитателем детского сада, теперь вот согласна возглавить филиал.

— Да вы понимаете, что за работа вам предстоит? — спросил секретарь горкома.

— А что особенного? Там в подчинении-то полтора человека, справлюсь. Деревня же, не город...

Эти слова задела Николая Павловича. В той «деревне» он сам шесть лет работал директором школы имени И. С. Тургенева, где каждый школьник знает наизусть «Бежин луг», «Как хороши, как свежи были розы»... Почтением односельчан пользуются и поныне потомки Афанасия Тимофеевича Алифанова, изображенного писателем в рассказах под именем Ермолая. Так что это вовсе не захолустная деревня, а литературное село, где что ни дом, то приверженцы тургеневской прозы.

— Вы были когда-нибудь в Ясной Поляне, в пушкинских местах? Слышали, к примеру, о Гейченко?

Девушка отрицательно покачала головой и спросила

с наивным упрямством: «Но, может быть, я все-таки смогу работать начальником?»

Юдин встал и, бросив ироничный взгляд на сопровождающего товарища из области, решительно сказал:

— Сможете! У нас открывается новый детский сад в селе... Хотите заведующей? — она согласилась. Тут ничего не придумано.

Секретарь горкома, конечно, прекрасно понимал, что найти человека со стороны не так-то просто. И все чаще вспоминал он о незаметном на людях Борисе Викторовиче Богданове, научном сотруднике музея-заповедника, который уехал из Орла жить и работать в тургеневские места. Это он открыл заново и Бежин луг, и Парахинские кусты, и Варнавицы, и Кобылий верх, так подробно описанные в рассказах Тургенева. Те места были утеряны. А ныне каждый может пройти по тропинкам писателя с путеводителем из «Записок охотника».

На все уговоры в горкоме партии Богданов отвечал, что никакой хозяйственник из него не получится, и это зряшний разговор, а пришел он сюда по другому поводу. В самом деле, переходил в наступление Борис Викторович, если вся усадьба решением правительства стала заповедной зоной, то кто позволил бульдозеристу срезать древнейший вал вокруг старинного погоста потомков Лутовиновых, чья родословная уходит ко временам Ива-

на Грозного? Для строителей дороги этот вал был помехой, а Богданов остановил бульдозер грудью, добрался до горкома партии в Мценске и благодаря Юдину спас заповедник от разрушения.

«Нет, мил человек, мы тебя все же уговорим стать руководителем, — размышлял партийный секретарь, присматриваясь к Богданову. — Такие люди нам нужны».

Восстановление усадьбы Спасское-Лутовиново шло трудно и хлопотно. Восемь лет горком партии «воевал» с проектировщиками, строителями, плохо понимающими разницу между исторической реконструкцией и обычным ремонтом дома. Не раз и не два за эти годы бюро горкома обсуждало ход восстановления старинной усадьбы, заставляя многое переделывать. Строителям, например, было проще настлать в зале паркет. Однако неугомонный Богданов по письмам Тургенева, дневникам поэта Я. Полонского, долгое время жившего бок о бок с Иваном Сергеевичем, по документам управляющего имением доказал, что пол-то был дощатый и крашеный. Пришлось также бригаде переделывать крышу, кафельные печи, менять рисунок резьбы по дереву, украшающей фасад и веранды дома. И в том был не каприз педантичного музейного работника, но принципиальность ученого, исследователя.

— Вы нам срываете все

финансовые планы, — сетовали строители на Богданова.

— Музей — не временка, — отвечал вежливо тот, — мы не можем современникам показывать подделку.

Слушая коммуниста Богданова, Николай Павлович Юдин вновь убеждался в точности своего выбора: отличный получится хранитель усадьбы.

И вот я познакомился с Борисом Викторовичем Богдановым...

Юдин и Богданов, обходя вместе анфилады комнат, то и дело спрашивали друг друга: «А помните?..» «А помните «керосиновый вопрос»? Да, трудно было выяснить, чем все же освещалась усадьба — только ли свечами или были и старинные лампы?

Ленинградские историки, к кому Богданов пришел за советом, казалось бы, убедили, что керосин появился в России в 60-х годах, был дорог, считался модной столичной роскошью и вряд ли его знала глубокая орловская провинция. К тому же никаких намеков в письмах, документах самого Тургенева не было. Старое имущество разошлось по рукам родственников, дом горел. Все-таки решили основательно переверорщить домашние архивы и там совершенно случайно нашли счет хозяйке усадьбы на оплату 40 фунтов керосина. Вот, оказывается, какое дело! Тогда, какими были лампы? А в ка-

кой цвет был выкрашен дом?

Иван Сергеевич в письме своему другу Флоберу как-то обмолвился, будто дом в Спасском-Лутовинове окрашен в светло-лиловый цвет. Богданов, к счастью, обнаружил и картину Я. Полонского, которая как будто подтверждала это. Но вот беда: блики от солнца и тени листья скрашивали четкий колорит.

Маляры делали пробные мазки по свежеструганым доскам дома, спорили, давали советы туристы, посещавшие тургеневский парк. Один из них, сказавшись художником, стал нам водить колер, сравнивая с картиной Я. Полонского. Глаз у него оказался верный. Богданов поблагодарил неожиданного помощника, а когда тот ушел к автобусу, гид группы сказал, что это был правнук Льва Толстого.

Мы ходили по тургеневскому парку-саду, когда Богданов остановился и с недоумением показал в сторону ворот. Посмотрел туда и Николай Павлович Юдин. Что-то там их беспокоило.

За главным входом на обширной поляне белел тесовыми досками некий терем-теремок: таким рашным спроектировали ресторан в охранной зоне заповедника да еще предложили дымящую кухню.

— Да, за кухню была простая борьба, — объяснил мне Юдин, — и если бы не настойчивость Богданова, то

могли бы «проморгать». Здесь государственный заповедник, а в проекте предусмотрели обычную плиту на дровах или угле. Представляете, какой бы дым коромыслом стоял? Закон об охранной зоне надо соблюдать, и никаких компромиссов. Этот вопрос мы обсуждали в горкоме партии, обратились в Москву, получили специальное разрешение на установку электроплит. Спасибо Богданову, заметил вовремя.

Вокруг музея-заповедника раскинулось хозяйство колхоза имени Тургенева. Он ни беден, ни богат, этот колхоз на нечерноземных землях Орловщины. Собственные дома жителей, правда, чисты и ухожены, крашены наличники, аккуратны дворники. Сам же центр села производил на туристов грустное впечатление.

Богданов разговаривал с местным председателем, тот разводил руками, да и музей ни в чем ему не мог помочь. Между тем Борис Викторович «проталкивал» свою главную, выношенную идею — рядом с образцовой усадьбой должно быть образцовое хозяйство. Горком партии учел соображения ученого в программе ускоренного социально-культурного развития колхоза, носящего имя писателя.

Большой знаток старинного быта и уклада жизни усадеб, Богданов задумывался еще вот над чем. Тур-

генев, как известно, устраивал для крестьян народные праздники, гулянья. После угощения орехами, пряниками девушки водили хороводы, пели песни, а вечерами зажигали любимый писателем фейерверк. Последний раз Тургенев устроил такое празднество в честь именной актрисы Марии Гавриловны Савиной. Она гостила в Лутовинове, и в музее восстановлена комната Савиной.

Богданов предлагает возродить народные празднества с участием самодеятельных коллективов. Кстати сказать, начало есть: народный хор села Спасское-Лутовиново исполняет величальную песню, посвященную знаменитому земляку. Есть в его репертуаре множество старинных напевов и мелодий, а в окрестных деревнях живут любители поэтической прозы, к тому же старики помнят семейные предания о прототипах «Записок охотника». Вот и мечтает Богданов устраивать ежегодные празднества в честь Ивана Сергеевича Тургенева. Только с чего начать?

— Вам всегда было трудно начинать, Борис Викторович, а нам еще труднее, — как бы ответил на вопрос секретаря горкома Николай Павлович Юдин. — Вот нашли мы вас и видим — не ошиблись.

В. СМЕРНОВ,
наш спец. корр.
с. СПАССКОЕ-ЛУТОВИНОВО,
Орловская область.

Соб. рукопись, 1979, 28сек.